

Евгений ЧИРИКОВ

ЧЕЛОВЕК-ТАЙНА

Семьдесят лет назад жизнь в Кузбассе только-только вставала из ужасающе бедного быта. Не хватало жилья, многие ютились в бог знает каких клетушках, а кто и в землянках. Жили впроголодь. Большинству населения едва хватало зарплаты на питание и элементарные нужды. Казалось естественным жить в бараках без водопровода и брать из ближайших водоёмов шахтовую воду. Дороги утопали в непролазной грязи. Общественного транспорта почти не существовало.

Вся эта сторона реальности начисто отсутствует в романе Александра Волошина «Земля Кузнецкая», хотя писатель всё видел и понимал, да и сам жил вовсе не в роскоши. «Полупустая комната. Старенькая железная кровать. Два обшарпанных примитивных стула возле ещё доведенной тумбочки. Ни письменного стола. Ни малейшего намека на убранство». (Из воспоминаний А. Косаря.)

Тем не менее роман получился психологически достоверным и по праву заслужил Сталинскую премию. Как это объяснить? Всё дело, наверное, в идейном заквасе персонажей. Ведь идейность определённой части людей того времени ставила себя выше «мещанской» сытости.

Кроме того, в советскую литературу вошла тогда так называемая «теория бесконфликтности», согласно которой в социалистическом обществе не может быть конфликта хорошего с плохим, а только хорошего с лучшим. Так что Волошину никто бы и не позволил стать «очернителем». Да мы и не знаем, что содержалось в первоначальной редакции романа. Он рождался в творческих муках и не раз переписывался при участии Константина Симонова – в то время главного редактора журнала «Новый мир».

Кемеровскую послевоенную литературную жизнь несли в себе фронтовики – Волошин, Косарь, Небогатов, Молостнов... Главная проблема виделась им в том, что стихи и проза рвались наружу, а печататься было негде – нет ни местного книжного издательства, ни журнала, ни от-

деления Союза писателей. Кое-что из стихов появлялось лишь в областных газетах.

Роль организатора творческих сил взял на себя поэт и корреспондент газеты «Кузбасс» А. Косарь, друживший с собкором той же газеты А. Волошиным. Литераторы начали собираться в редакции «Кузбасса». Они читали друг другу свои произведения, обсуждали их и мечтали о будущих публикациях.

Главный редактор «Кузбасса» товарищ Бабаянц не очень-то приветствовал литераторов. На этот счёт он имел мнение, что таковые могут водиться в Москве, ну или в Новосибирске, но никак не в Кемерове. А уж газетчиков художественные эмпирии только отвлекают от основной работы. И такого товарища назначили главным редактором альманаха «Сталинский Кузбасс» (или он назначил сам себя). Но реально всю редакторскую работу делал Алексей Косарь, который числился на должности литературного секретаря.

Первый номер альманаха читатели увидели в феврале 1949 года. Основной объём его занимала первая часть романа «Земля Кузнецкая», причём поначалу Бабаянц был категорически против этой публикации, так как имел с Волошиным скандальные трения, но вынужденно уступил, когда понял, что роман одобрен в Москве. А. Косарь вспоминал, как на имя редактора «пришла телеграмма из Москвы. Арсен Арсенович, как всегда, был в обкоме. Не закрытую для глаз любого, кто держал ее в руках, восковку с текстом телеграммы я выхватил из рук секретарши Ани и прочитал громко, на всю редакцию: «Просим откомандировать Москву журнал «Новый мир» автора романа «Земля Кузнецкая» Александра Волошина Симонов».

Стихи в «Сталинском Кузбассе» отвечали духу времени: мажор воспевания созидательного труда и неизбежные припевочки во славу вождя. Второй номер вышел в том же году с окончанием «Земли Кузнецкой». Альманах стал регулярным изданием при поддержке первого секретаря Кемеровского обкома партии Евгения Фёдоровича Кольшева, который вполне понимал писательские чаяния и саму нужность писателей для области.

В 1950 году произошло громкое литературное событие: Александру Волошину вручили за роман «Земля Кузнецкая» Сталинскую премию. Примерно в то же время Арсен Арсенович Бабаянц был разоблачён в махинациях с гонорарами и попал под суд.

170

На специальном газетно-редакционном заседании выступил среди других и Волошин:

– В практике редакции было возмутительное отношение к живым людям. Литературного работника Рыжова перед смертью сплывили из редакции. Он умер, о нём даже некролога не дали. Бездушные – вот что в редакции. Собкоры приезжают, слоняются целую неделю по коридору, а барин их не принимает. (Из архивного протокола от 5 марта 1950 года.)

Дело Бабаянца аукнулось и на репутации Е. Колышева, так как газета «Кузбасс», естественно, была органом обкома КПСС и вокруг редактора грелась номенклатура. Хотя под Колышева «копали» и по другим направлениям, вменяя ему отставание в добыче угля.

Первым секретарём обкома партии поставили Василия Мокрушина (оказавшегося, впрочем, невыразительной личностью), а на должность главного редактора «Сталинского Кузбасса» выдвинули заведующего отделом газеты «Кузбасс» Андрея Семёновича Мазюкова, о котором мало что известно (он стал также директором открывшегося Кемеровского книжного издательства).

После кончины вождя наступили новые времена. Альманах переименовали в «Огни Кузбасса», имея в виду, наверное, соседство с «Сибирскими огнями».

С 1953 года в областных и сибирских публикациях обозначилось имя Е. Буравлёва. И прошло совсем немного времени, когда именно этот человек с «гранитным» обликом начал определять течение областного литературного процесса.

В той послесталинской ситуации какое-то желание претендовать на лидерство по инерции проявлял А. Косарь, стихотворная пафосность которого в новое время всё больше ощущалась читателями как нечто чуждое.

Из воспоминаний новосибирского поэта Юрия Ключникова: «В Кемерово в 1955-м, ещё до знаменитого доклада Хрущёва о культе личности, мы с Николаем Алексеевым (сейчас он доктор философских наук, в Москве, в РАН) организовали в газете «Комсомолец Кузбасса» литературный «разгром» некоторых представителей «официозной» литературы – сами писали и организовывали критические статьи о таких писателях, как Геннадий Молостнов, Алексей Косарь, воспевавших шахтные терриконы и промышленные дымы над городом, считая это символом промышленной мощи. А мы с мальчишеским задором объявили такую символику признаком дурного вкуса. «Мэтры» ке-

меровской литературы, в ту пору не имевшие ещё своей писательской организации, являлись в обком ВЛКСМ, органом которого являлся «Комсомолец Кузбасса». Но тоже молодой Николай Троицкий, редактор газеты, нас защитил от ответных нападок.

В то же время мы расхваливали свежие литературные ветры Кузбасса, представленные именами Михаила Небогатова, Игоря Киселёва, Евгения Буравлёва. С этими тремя я встречался и взаимодействовал, хотя сам по себе никакого литературного веса среди писателей того времени не представлял».

Первая книжка стихов Е. Буравлёва «Кладоискатели» посвящалась людям Сибири и Заполярья, геологам, строителям железной дороги. Редактировал сборник М. Небогатов, работавший в книжном издательстве. Из его воспоминаний: «Авторский актив у издательства в то время был небольшой, издавать, по существу, было некого, так что «Кладоискатели» для нас были поистине кладом, и вышли они в свет в рекордно короткий срок – уже в 1956 году. Критика отнеслась к первой книжке Евгения Буравлёва очень положительно, он сразу же прочно вошёл в литературу Кузбасса».

Не очень положительно отозвался о сборнике А. Косарь, опубликовав в газете «Кузбасс» рецензию под названием «С недоделками». Сборник действительно не отличался совершенством. (Уже в 1973 году критик Алексей Абрамович, живший в Новокузнецке, отметил положительные и отрицательные стороны ранних стихов Буравлёва. Слабость – в прямом агитационном пафосе. Сила – в нащупывании поэтом пути к своему истинному призванию: к стиху сюжетному, к конкретной жизни героев. А главной буравлёвской темой и тогда, и позже была тема мужества и труда.)

Косарь очень уповал на свою поэму «Угледград». Но на обсуждениях литераторы разгромили её в пух и прах.

Большим авторитетом давил на молодых Геннадий Модестович Молостнов, 1907 года рождения, человек исключительно талантливый и как прозаик, и как поэт, и как сотрудник спецслужб. По словам М. Небогатова (в его дневнике), Молостнов смотрел на пишущих коллег свысока.

Выходец из Владимирской губернии, сирота, выживавший трудом подпаска, он, пожалуй, не хуже Андрея Платонова знал светлую и тёмную глубину деревенской жизни, особенно дорево-

люционной, которую ему с редкой силой удалось выразить художественно. Оказавшись в Кузбассе, Г. Молостнов замахнулся на шахтёрскую тему, по сути дела, параллельно с Волошиным. Но если Александр Никитич добился на этой ниве лавров триумфатора, то на Молостнова обрушился шквал резкой критики.

Личная жизнь Геннадия Модестовича сложилась так, что он оставил красавицу жену и ушёл к другой, вследствие чего на его партийную репутацию легло пятно, да и молодым собратьям по перу, в том числе Буравлёву, это давало повод к морализаторству.

В 1957–1958 годах Г. Молостнов редактировал «Огни Кузбасса» после А. Мазюкова (1952–1956). Затем его сменил А. Волошин (1959–1961), а с 1962 по 1967 год главным редактором был Е. Буравлёв, который в 1961 году вступил в Союз писателей, пять лет до того заочно прочувшись в Литинституте при наставничестве – ни много ни мало – Михаила Светлова. В 1962 году было создано Кемеровское отделение СП. Таким образом, состоялось наконец официальное становление областной писательской организации, что непосредственно связано с именем её организатора и руководителя до 1972 года Е. Буравлёва.

Поэт Семён Печеник, неплохо знавший Евгения Сергеевича, называл его «человеком-тайной», настолько загадочным казалось его прошлое, о котором он почти никому не рассказывал. Известно было лишь, что Буравлёв воевал. Один послевоенный эпизод он всё-таки утаивать не стал, и молва устами писателя Владимира Мазаева (возможно, и ещё кого-то) донесла его до нас. Однажды бортмеханик из Игарки (а дело было в Красноярске) Буравлёв ужинал в ресторане. И увидел, как майор, сильно закосевший, ударил женщину. Буравлёв вскочил и подошёл к их столику. Результатом схватки явился победный спуск офицера с лестницы. Но подлый майор, оказавшийся адъютантом большого воинского чина, обиды не простил, и вскоре поэта бросили на нары...

В 1958 году Е. Буравлёв написал автобиографию для вступления в ряды КПСС. Уже в наше время её нашёл архивист Николай Галкин (опубликована в № 5 «Огней Кузбасса» за 2016 год). находка Н. Галкина приоткрыла многое, но далеко не всё. По фактам, протокольно изложенным, трудно представить подробности неведомой нам жизни.

Родился Е. Буравлёв 21 сентября 1921 года под Калугой (с. Гридино Спас-Деменского района). Родители работали на строительстве железной дороги. Отец – прорабом, мать в конторе – секретарём-машинисткой. Каким-то образом семья очутилась на станции Промышленная Кемеровской области. Отец умер от воспаления лёгких в 1934 году (но где, в Промышленной или раньше, не уточняется). Окончив поселковую школу-девятилетку (1938), Евгений добровольно подал заявление в Ленинск-Кузнецкий райвоенкомат с просьбой направить его на армейскую службу и получил направление в Иркутское военное авиатехническое училище. Вступил в комсомол, окончил обучение (1940) и начал служить в ВВС в звании техника-лейтенанта.

С началом войны Евгений служил где-то в подмосковных местах, обслуживал самолёты. Когда в декабре 1941 года началось наше контрнаступление под Москвой, его командировали в запасную авиабригаду для получения новых машин. Оттуда он сбегает в свой боевой полк (за кадром остаётся какая-то история), и Военный трибунал осуждает молодого офицера (хотя нам-то понятны его героические мотивы), отправив его командовать ротой в штрафбате. В боях при наступлении 31-й дивизии на Калугу, недалеко от его родных мест, лейтенант отличился, и его досрочно вернули в авиаполк.

В августе 1943 года Буравлёв вновь загремел в штрафники. На сей раз – «за получение денег по почтовому переводу, принадлежащему однокурснику по Академии ВВС им. Жуковского». Что за деньги – непонятно. Неизвестно ничего и про академию ВВС. Никаких указаний на неё не встречается. Но в этом случае старший техник-лейтенант, разжалованный в рядовые, отделался только тремя днями страшного наказания (снова штрафник), притащив вместе с группой бойцов «языка» – немецкого пулемётчика.

В начале 1944 года Буравлёв был назначен главным инженером 142-го транспортного авиаполка при штабе 3-го Белорусского фронта, но вскоре его разжаловали в рядовые за самовольные полёты на транспортном самолёте. И через 13 дней во время прорыва немецкой пограничной полосы в Восточной Пруссии он снова отличился. В этом бою 26 августа его тяжело ранило. После госпиталя Буравлёв служил в оперативно-инженерной группе штаба 4-й штурмовой инженерно-сапёрной бригады резерва Главного командования адъютантом командира бригады

172

инженер-полковника С. Лукашенко. Конец войны застал его в г. Пилау (ныне Балтийск).

За время войны он был трижды ранен, награждён орденом Красной Звезды и боевыми медалями. Все три судимости за отличия в боях были сняты, вина смыта кровью. В июне 1945 года его удостоили высокой чести участвовать в Параде Победы – это тоже о чём-то говорит.

Демобилизовавшись в ноябре 1945 года, Е. Буравлёв поехал в Игарку, где в январе следующего года устроился старшим техником аэропорта, а затем перешёл в бортмеханики Игарской авиагруппы Полярной авиации Севморпути. Очевидно, в этом качестве он и прилетел в Красноярск, где в апреле 1947 года его подстергла судимость «за незаконное хранение трофейного пистолета и поддельную справку на право его ношения». Здесь нас ждёт очередная загадка. О пьяном майоре в автобиографии нет ни слова. Так был ли майор? Наверное, был, и всё дело в нём, а пистолет – это лишь законный повод для мести...

Пять лет лишения свободы определил нарсад. Отбывать срок бортмеханик начал в красноярской тюрьме воспитателем несовершеннолетних, но в июле 1948 года его отправили на великую сталинскую стройку, где смерть косила зеков тысячами – на строительство железной дороги Салехард – Игарка, которое впоследствии признали бессмысленным и бросили, так и не доведя до конца. Буравлёв работал там топографом и прорабом. 1 мая 1950 года его освободили «за успехи в работе» (вроде бы учли и фронтовые заслуги), но он продолжал трудиться на той же стройке, уже вольнонаёмным инженером. 27 марта 1953 года и эта судимость была с Евгения Сергеевича снята указом Президиума Верховного Совета СССР. 27 марта... Это означает, что буквально через три недели после смерти Сталина.

И похоже на признание несправедливости самого осуждения. Возможно, за этим скрывается ходатайство с изложением обстоятельств дела?..

В сентябре 1952 года Е. Буравлёв уволился с северной стройки и приехал в Сталинск (ныне Новокузнецк), к живущей там матери. Так он вновь стал кузбассовцем, нашим земляком. Дальнейшее в его биофактографии не вызывает особых вопросов. Почти год отдыхал от Севера и писал стихи. С июля 1953-го снова начал зарабатывать на хлеб на строительстве железной дороги Сталинск – Абакан. В 1955 году ушёл на должность ответсекретаря газеты «Строитель транспорта». С 1956 по 1958 год – опять производственник, главный инженер комбината производственных предприятий.

Публиковаться он начал с сентября 1951 года в северной газете «Строитель». С 1952 года состоял членом красноярского краевого литобъединения, а в 1953 году стал членом литобъединения Кузбасса.

Однако стихи полились у него из души ещё на фронте и, как все начинающие, он жил с праздничной верой в причастность к великому миру поэзии. После войны послал свои творения в столичный журнал. Ответ просто убил его, похоронив праздник на несколько лет... Но пришло понимание: уметь рифмовать мало, поэзия не лежит на поверхности, надо учиться видеть сокровенное.

В Кузбасс Е. Буравлёв приехал с женой, Валентиной Савицкой. Познакомились они на Севере. Любовь, великое чувство. Жена – муза, идеал. Через 20 лет старый идеал померк, появился другой: примадонна театра оперетты. И – финал, достойный драматической пьесы: молодая жена уехала на гастроли, оставив мужа умирать от рака в одиночестве.

г. Кемерово

